

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2014](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2014)

С. В. Володенков, С. Н. Федорченко

ЦИФРОВЫЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГРАЖДАНСКО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АКТИВИЗМА: АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ, РИСКИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 97—118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2014>.

For citation:

Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N. (2021) Digital Infrastructures of Civic and Political Activism: Current Challenges, Risks and Constraints. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 97–118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2014>. (In Russ.)

ЦИФРОВЫЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГРАЖДАНСКО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АКТИВИЗМА: АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ, РИСКИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: s.v.cyber@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2928-6068>

ФЕДОРЧЕНКО Сергей Николаевич — кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры политологии и права факультета истории, политологии и права, Московский государственный областной университет, Мытищи, Россия

E-MAIL: s.n.fedorchenko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6563-044X>

Аннотация. Статья определяет ключевые вызовы, риски и ограничения цифровизации современного гражданско-политического активизма в аспекте демократизации традиционных политических институтов и гражданского общества. Ключевой задачей исследования выступает критический анализ актуальных практик гражданско-политического активизма с использованием цифровых платформ. Авторы обосновывают положение о том, что в условиях глобальных технологических трансформаций и перехода к парадигме Web 3.0 содержательные и функциональные характеристики гражданско-политического активизма будут существенно изменяться, порождая новые эффекты. Показано, что параметры цифрового гражданско-

DIGITAL INFRASTRUCTURES OF CIVIC AND POLITICAL ACTIVISM: CURRENT CHALLENGES, RISKS AND CONSTRAINTS

*Sergey V. VOLODENKOV*¹ — Dr. Sci. (Polit.), Professor at the Department of State Politics, Faculty of Political Science
E-MAIL: s.v.cyber@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-2928-6068>

*Sergei N. FEDORCHENKO*² — Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor at the Department of Political Science and Law, Faculty of History, Political Science, and Law
E-MAIL: s.n.fedorchenko@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6563-044X>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Moscow Region State University, city of Mytishi, Russia

Abstract. The paper identifies key challenges, risks, and constraints in the digitalization of contemporary civic and political activism in the aspect of democratization of traditional political institutions and civil society. The key aim of the study is to critically analyze current practices of civic activism at the digital platforms. The authors argue that in the context of global technological transformations and the transition to the Web 3.0 paradigm, the content and functional characteristics of civic activism will change significantly and generate new effects. The paper shows that the parameters of digital civic and political activism are largely determined by the design of the digital platforms, the capabilities, formats, mechanics, algorithms, and communication features that

политического активизма во многом определяются дизайном используемых цифровых платформ — теми возможностями, форматами, механиками, алгоритмами и особенностями коммуникации, которые предоставляются в рамках действующей цифровой инфраструктуры. Авторы заключают, что дизайн гражданско-политического активизма является в функциональном аспекте не самостоятельным, но производным от функционала и алгоритмических моделей платформ, а аффордансы в значительной степени зависят от программных алгоритмов платформы. При этом алгоритмы, используемые цифровыми корпорациями и институтами власти, не предполагают интерфейсов, способствующих цифровому самоопределению граждан. Для подтверждения данного утверждения авторы проводят SWOT-анализ некоторых цифровых платформ гражданско-политического активизма.

Также в статье обсуждается проблема симуляции и симулякризации цифрового активизма. Показано, что за счет своей информационной активности и наличия устойчивой лояльной аудитории гражданско-политические активисты способны в собственных интересах влиять на повестку дня, смещая представление аудитории о реальной действительности в необходимую сторону. При этом информационное капсулирование онлайн-пользователей посредством их вовлечения в деятельность групп и сообществ гражданско-политических активистов способно формировать необходимые общественно-политические убеждения и представления, которые в дальнейшем становятся основой программирования ожидаемого поведения

are provided within the existing digital infrastructure. The authors conclude that the design of civic and political activism is not independent in the functional aspect, but it is derived from the functional and algorithmic models of digital platforms, and the affordances largely depend on the software algorithms of the platform. At the same time, the algorithms used by digital corporations and government institutions do not imply interfaces that contribute to the digital self-determination of citizens. To confirm this statement, the authors carry out a SWOT analysis of some digital platforms of political and civic activism.

The paper also regards the problem of simulation and simulacrazation of digital activism. The authors show that due to the informational activity and the presence of a stable loyal audience, civic and political activists are able to influence the agenda following their own interests and shifting the perceptions of their audiences in the desired direction. At the same time, information encapsulation of online users through their involvement in the activities of groups and communities of civic and political activists can form the necessary social and political beliefs and ideas, which later become the basis for programming the expected behavior of individuals. Basing on the results of the study, the authors identify the key components of digital infrastructures of civic and political activism and present possible scenarios for its development.

индивидов в реальности. По итогам проведенного исследования в работе определены ключевые компоненты цифровых инфраструктур гражданско-политического активизма, а также представлены возможные сценарии развития этой сферы.

Ключевые слова: цифровые инфраструктуры, гражданско-политический активизм, цифровой интерфейс, псевдоактивизм, цифровые платформы

Благодарность. Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Keywords: digital infrastructures, civic and political activism, digital interface, pseudo-activism, digital platforms

Acknowledgements. This research was performed according to the Development Program of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Lomonosov Moscow University «Preservation of the World Cultural and Historical Heritage».

Постановка проблемы

Происходящие в мире глобальные технологические трансформации актуализируют вопросы архитектуры новой цифровой инфраструктуры современного гражданско-политического участия.

Рост неконвенциональных форм гражданско-политического участия (политических флэшмобов, перформансов, голографических акций и др.) был ограничен до определенного момента уровнем развития технологий цифровой коммуникации. Однако с появлением интернета Web 2.0, распространением сообществ социальных сетей, блогов, форумов и видеохостингов ситуация стала меняться. Альтернативные арены коммуникации, созданные в основном цифровыми корпорациями, с одной стороны, предоставили гражданам возможность обсуждать проблемы местного сообщества, внутренней и внешней государственной политики в рамках горизонтальных коммуникаций, а с другой стороны, показали неготовность властей ряда стран вести полноценный и результативный диалог с интернет-активистами как новыми представителями интересов групп социума.

Форсированная цифровизация в период пандемии COVID-19 еще более повлияла на социально-политические процессы и тренды развития современного общества, обострив при этом классические вопросы легитимационных кризисов: падения доверия к традиционным политическим институтам государства, парламентаризма и партий [Хабермас, 2010; von Haldenwang, 2016]. Это хорошо показали антикоронавирусные протесты, организованные гражданско-политическими активистами в ряде стран в ответ на ограничения, введенные властями. Следует при этом подчеркнуть, что цифровизация не равна обычной оцифровке чего-либо,

а прежде всего связана с процессами, предполагающими потенциальные изменения в обществе¹. Более фундаментальные изменения можно отнести к цифровой трансформации [Mergel, Edelmann, Haug, 2019].

Очевидно, что по мере перехода к технологической парадигме Web 3.0 и все большего погружения современного гражданского общества в цифровые коммуникации на фоне вынужденного дистанцирования в условиях пандемии COVID-19 сущностные и функциональные характеристики гражданско-политического активизма будут изменяться, порождая новые эффекты (как, например, ранее возникли эффекты слактивизма и кликтивизма).

В подобной ситуации представляется крайне важным рассмотреть роль традиционных субъектов власти в этой цифровой архитектуре, а также изучить возможности сетевых гражданских сообществ выступать качественным драйвером демократических перемен в современных политических институтах, а не развиваться в рамках модели эхо-камер [Sunstein, 2001]. При этом важно оговорить, что определенности в вопросе взаимосвязи политического участия и социальных сетей до сих пор нет. Неоднозначна оценка и роли эхо-камер. С одной стороны, существуют подтверждения того, что у человека имеется особенность фильтровать, «отсеивать» информацию при воздействии различных видов массмедиа [Beat, Kosicki, 2014]. С другой стороны, появились исследования сетевых сообществ, показывающие, что эффект эхо-камеры полностью игнорировать нельзя (выявлен парадокс: активисты, не находя возможности полностью выразить себя в публичном политическом пространстве, вынуждены участвовать в закрытых сообществах) [Мартьянов, Мартьянова, 2019].

Наконец, в условиях общей симулякризации цифрового пространства коммуникаций возникает серьезный вопрос о возможности подмены конвенциональных форм гражданско-политического участия их симулякрами.

Особый интерес представляет сегодня исследование цифровых корпораций как новых посредников между гражданами и властью, способных влиять на уровень включенности первых в процессы обсуждения и принятия политических решений. Кроме того, цифровые корпорации, как показывает анализ актуальной практики, могут сегодня выступать в качестве мощного фактора, влияющего на возможности и форматы демократического участия граждан в значимых социально-политических процессах.

Означают ли цифровизация политики, возникновение цифровых платформ самокоммуникаций, функционирующих на базе Big Data, а также использования технологий искусственного интеллекта и алгоритмов самообучаемых нейросетей, конец прежней субъектности? Или же формы политического взаимодействия, контроля и управления переходят в иную, алгоритмическую плоскость?

С нашей точки зрения, серьезными вызовами для гражданско-политического активизма сегодня становятся распространение сервисной парадигмы цифровых платформ, неуклонная и во многих случаях принудительная деполитизация коммуникационных арен, распространение закрытых от граждан «умных» алгоритмов,

¹ Условия таких потенциальных изменений, на наш взгляд, как раз создают цифровые инфраструктуры.

введение серьезных санкций и ограничений на проявление неудобной властям политической активности.

Обозначенные вызовы приводят к созданию условий для гражданского эскапизма, конформизма, цифрового тоталитаризма, способствуя переходу реальной гражданско-политической активности в закрытые цифровые пространства. Особенную опасность, на наш взгляд, для разных форм активизма представляет цифровой тоталитаризм [Diamond, 2019; Unver, 2017], к признакам которого относятся массовое автоматизированное наблюдение за пользователями; манипуляцию общественным мнением и пропаганду посредством цифровых медиа; предиктивную деятельность полиции (выявление потенциально неблагонадежных граждан с помощью цифровых техник); принудительный конформизм [Нечаев, Белоконев, 2020]. Алгоритмизация начинает влиять на правила коммуникации между людьми, а платформы, используя различные коммуникационные механики, воздействуют на формирование или ограничение социальных связей гражданина [Beer, 2017].

Насколько реально в современных условиях гражданским активистам уйти от монополии цифровых корпораций в сегменте алгоритмов, Big Data, искусственного интеллекта, нейросетей и создать (а главное — полноценно использовать) для решения собственных задач и в своих интересах цифровую инфраструктуру? Смогут ли такие гражданские проекты цифровых инфраструктур найти баланс между интересами различных политических сил?

В условиях высокой виртуализации цифрового пространства общественно-политических коммуникаций нельзя обойти вниманием и риски распространения цифрового псевдоактивизма, а также его составного компонента — псевдогражданских проектов, интересанты которых могут преследовать далеко не демократические цели.

Наконец, отдельного внимания заслуживают современные цифровые идеологии, сформировавшиеся в условиях стремительных технологических трансформаций традиционных общественно-политических коммуникаций. Очевидно, что идеология цифровой децентрализации, идеологические течения криптоанархистов и криптопанков [Chojan, 2017] имеют потенциал влияния на форматы цифрового гражданско-политического активизма, формируя пространство для широкого спектра сценариев своего развития — от разрушения сложившихся политических практик и институтов гражданского участия до перехода на новый уровень качества публичной политики и эффективности государственного управления в аспекте взаимодействия с гражданским обществом.

Ответы на этот — далеко не полный — перечень вопросов могут быть получены лишь в ходе развития реальных взаимоотношений основных акторов складывающихся цифровых инфраструктур гражданско-политического активизма — групп интересов, владельцев цифровых корпораций, политической элиты, партий, общественных движений и гражданских активистов. Однако уже сегодня изучение сформулированных проблем, вызовов и рисков является, по нашему мнению, весьма важным направлением современной политической науки. Целью данной работы стало рассмотрение ключевых вызовов и рисков, связанных с активным внедрением в процессы современного гражданско-политического активизма

цифровых инфраструктур, а также потенциала этого процесса с точки зрения демократизации традиционных политических институтов и гражданского общества.

Обзор литературы

Среди современных политологических исследований неуклонно растет интерес к особенностям цифровых инфраструктур гражданско-политической активности [Бродовская, Никулин, Давыдова, 2021]. От конфигурации и специфики элементов цифровой инфраструктуры зависят потенциалы и риски гражданско-политической деятельности. Отличие инфраструктур от технологий при этом заключается в том, что они формируют фундамент для функционирования остальных компонентов системы, обуславливают обмен, коммуникацию между ними [Larkin, 2013].

Важно отметить, что цифровая инфраструктура в современной научной литературе в основном определяется как некая взаимосвязь коллективов, систем, программного обеспечения, оборудования и стандартов [Hustad, Olsen, 2021]. Однако, к сожалению, в концептуализации цифровых платформ больше внимания уделяется сервисно-ориентированным архитектурам [там же] и меньше — условиям функционирования гражданских технологий (*civic technologies*). При этом спектр вопросов и тем, связанных с изучением цифровых инфраструктур, на сегодняшний день весьма широк.

Так, британский исследователь С. Коулман в своей монографии анализирует цифровые платформы через призму возможностей делиберативной демократии, цифровые проекты которой возникли как реакция на кризис коммуникации между организациями и гражданами (*crisis of listening*) [Коулман, 2018: 99—101]. Для Коулмана платформы, позволяющие человеку не торопясь изучить политическую информацию и механизмы своего представительства, понять, какие гражданские компетенции ему нужны, — это цифровой рецепт для качественной трансформации демократии. Среди таких гражданских компетенций ученый называет осмысление политического мира, открытость к обмену аргументами, умение гражданина восприниматься другими гражданами значимым и способность вносить значимый вклад в процесс.

Австралийский ученый С. Маккуайр акцентирует внимание на рисках в сфере гражданско-политической активности и конфиденциальности человека, усматривая их в тенденции совмещать системы видеонаблюдения с автоматизированными системами распознавания лиц и принятия решений на базе искусственного интеллекта. Его обеспокоенность касается того, что цифровые платформы часто требуют от граждан доступа к их местоположению для получения каких-либо услуг [McQuire, 2021]. Маккуайр объясняет это тем, что современная власть сместилась в сторону определенных навыков — анализа и визуализации данных, а также перешла от традиционных государственных субъектов к частным компаниям, нацеленным на получение прибыли посредством цифровых инструментов. За счет этого происходит значительный сдвиг дисциплинарной власти (в понимании М. Фуко) к оперативному контролю граждан.

При этом ряд других авторов [Mitu, Vega, 2014] убеждены в том, что первенство в гражданско-политическом активизме по-прежнему остается за платформами социальных сетей и микроблогов, которые используются в том числе и для

организации общественно-политических протестов. При этом социальные сети не лишены проблем. Важным препятствием для развития цифрового активизма в социальных сетях является быстрое распространение непроверенных слухов, спама, иллюзий — от слактивизма, псевдосоциальных движений. По этой причине специалисты предлагают улучшать стратегические коммуникационные навыки активистов, подключать к их работе представителей университетов [Melki, Mallat, 2014]. Стали появляются и серьезные исследования по кликтивизму и слактивизму [Christensen, 2011; Halupka, 2018; George, Leidner, 2019; Li, Bernard, Luczak-Roesch, 2021], а также криптоанархизму, другим цифровым идеологиям [Farmer, 2003; Chohan, 2017].

Некоторые авторы большую надежду в сфере качественной трансформации общества возлагают на цифровое гражданство (digital citizen) [Ohler, 2010], по которому до сих пор нет консенсуса в академической среде — его пытаются рассматривать через концепцию цифровых компетенций или вопросы активизма. Безусловно, гражданство предполагает политическое и юридическое соотношение индивида с конкретным государством, и сам разговор о цифровом гражданстве может показаться необычным и мало аргументированным. Цифровизация гражданства пока не означает выделение какого-то отдельного типа гражданства, отличного от классического, однако она формирует риски для формирования так называемой «трансграничной публики» — сетевого сообщества из граждан разных стран [Кин, 2015: 86—87]. Кроме того, пользователи конкретного государства могут регистрироваться не на его платформах, а на ресурсах, принадлежащих коммерческим цифровым корпорациям. Также много нерешенных вопросов для традиционной модели взаимоотношения граждан с государством приносят криптовалюты.

Согласно выводам отдельных исследований, большой проблемой цифрового гражданства остается технологическое неравенство, способное усилить неравенство социальное [Mossberger, Tolbert, Hamilton, 2012]. Концепция цифрового гражданства прошла эволюцию от анализа сугубо технологических аспектов коммуникации до анализа социальной справедливости и формирования коллективной идентичности в сетевых условиях [Fernández-Prados, Lozano-Díaz, Ainz-Galende, 2021].

К исследованиям по цифровому гражданству примыкают менее распространенные труды по проблематике гражданских технологий (civic technologies), которые призваны постоянно совершенствовать взаимоотношения между людьми и правительством, используя инициативы граждан, частных организаций, соответствующий софт и политику открытых данных. В основном гражданские технологии предполагают создание платформ по инициативе властей (сверху вниз) и по инициативе граждан (снизу вверх, без помощи правительства) для длительного сотрудничества.

Недавнее исследование 614 платформ позволило выявить несколько закономерностей: платформы настраиваются на улучшение государственных функций и услуг, ориентируются на повышение качества жизни людей и создаются для решения ряда сложных социальных проблем (например, для достижения гендерного равенства). Характерно, что проекты, посвященные укреплению демо-

кратии, распространены в меньшей степени [Skaržauskienė, Mačiulienė, 2020]. Гражданские технологии применяются прежде всего при создании «общественного мнения» и не делают ставку на формирование качественной связи с властью.

Более того, даже те платформы, которые посвящены в основном политическим проблемам, не всегда нацелены на конструктивное сотрудничество с властями. Исследование О. Байши о ресурсе «Украинская правда» («Українська Правда») свидетельствует, что неспособность власти наладить полноценный диалог с обществом привело аудиторию данной платформы к идеализации риторики соглашения с ЕС, антиправительственному дискурсу и неприятию любой критики Евромайдана со стороны других граждан [Байша, 2021: 45—55]. Байша объясняет это в рамках теории популизма Э. Лаклау, в соответствии с которой в процессе дискурса возникает эффект синекдохи — принятие требований одной небольшой группы за мнение целой новой идентичности.

Стратегическим компонентом цифровых инфраструктур являются их владельцы — правительства, общественные, политические или частные организации. Изученные нами работы показывают, что цифровому самоопределению (digital self-determination) активиста (вопросы конфиденциальности, контроля персональных данных, влияние на сознание индивида) могут препятствовать владельцы интернет-ресурсов. Это наглядно демонстрирует пример развития концепции цифрового колониализма, объясняющей новые формы технологической зависимости суверенных государств от программного обеспечения IT-гигантов (Google, Facebook и др.) [Kwet, 2019]. Целенаправленное отключение территорий или сообществ граждан от возможностей цифровых инфраструктур с целью снижения роста нежелательного для властей активизма изучается сегодня в рамках модели цифрового апартеида [Brown, Czerniewicz, 2010]. Меры, реализованные в индийском регионе Джамму и Кашмир, являются примером подобного рода практик.

Довольно перспективной областью в изучении цифровых инфраструктур представляется теория аллократии, которая признает существование алгоритмической власти, задающей пределы для политической коммуникации непосредственно со стороны владельцев алгоритмов. Концепцию аллократии предложил А. Аниш в своей работе «Виртуальная миграция: программирование глобализации» [Aneesh, 2006]. Можно предположить, что аллократия — это ответ элиты на риски гражданско-политического активизма, ее стратегия для контроля сетевой власти [Castells, 2011], формирующейся в цифровых коммуникациях, в том числе и спонтанно.

Исходя из анализа имеющейся литературы, мы можем сделать вывод о том, что современная цифровая инфраструктура включает следующие ключевые компоненты:

- а) цифровые платформы с возможностями интерфейса для гражданских технологий (civic technologies);
- б) поддерживающее эти цифровые платформы базовое или вспомогательное программное обеспечение, алгоритмы, без которых невозможны практики цифрового гражданства (digital citizenship);
- в) владельцев цифровых платформ (мобильные операторы, администрация сайтов, социальных сетей и т. п.).

Опора на данную классификацию позволила авторам структурированно определить вызовы, угрозы и риски гражданско-политического активизма в условиях функционирования цифровых платформ и цифрового капитализма, выявить специфику процессов аватаризации и интерфейсизации, обозначить политическое значение алгоритмов, феномена слактивизма и кликтивизма, а также предложить объяснительную модель и сценарии развития гражданско-политического активизма.

Цифровизация гражданско-политического активизма: вызовы, угрозы и риски

Активное формирование пространства социальных медиа и социальных сетей, произошедшее примерно полтора десятка лет назад, породило условия для осуществления гражданскими активистами своей деятельности в цифровом пространстве. По сути, социальные медиа и социальные сети стали функционировать и в качестве цифровых платформ для гражданско-политического активизма, предоставляя возможности практически ничем не ограниченной прямой интерактивной коммуникации активистов и граждан друг с другом в горизонтальном формате.

Именно на данном первоначальном этапе интенсивно создавались различные сообщества гражданско-политических активистов во многих странах мира. Если вначале основной задачей активистов было распространение информации о себе и проблемах, с которыми они борются, в дальнейшем цифровые платформы стали успешно применяться и для мобилизации активных сетевых пользователей с целью участия в различного рода офлайн-мероприятиях.

Очевидно, что такой потенциал цифровых платформ гражданско-политического активизма не мог быть не использован в проектах, направленных как на демократическое выражение общественных интересов групп населения и выстраивание диалога с институтами власти в новых форматах, так и на дестабилизацию национальных политических режимов посредством работы с активной интернет-аудиторией и формирования протестных моделей гражданского поведения (неслучайно во многих «цветных революциях», как показала практика, именно глобальные социальные медиа являлись ключевыми площадками для агрегирования и мобилизации будущих участников массовых протестов).

В результате политические режимы и институты власти, независимо от степени их демократичности, были вынуждены начать уделять внимание существующим цифровым платформам, которые стали выступать не только площадками для выстраивания демократического диалога между гражданами и властью, повышения прозрачности общественно-политических коммуникаций, развития институтов гражданско-политического активизма, но и инструментами дестабилизации социально-политической ситуации, демонтажа политических режимов под предлогом инициативной политической деятельности гражданских активистов.

Однако, если институты власти, внедряя все более жесткие инструменты мониторинга, контроля и ограничения гражданско-политического активизма в цифровом пространстве, преследуют вполне понятные цели сохранения стабильности и управляемости социально-политической системы в масштабах государства, то с позиций политологического исследования нам представляется важным рассмотреть и другие, не связанные с интересами власти аспекты цифровизации

деятельности гражданско-политических активистов посредством использования современной цифровой инфраструктуры.

Здесь следует остановиться на проблеме общественно-политических коммуникаций, осуществляемых в рамках деятельности цифровых платформ. Развитие Web 2.0 подразумевало процесс цифровой *аватаризации* — комплексного феномена, связанного с массовым распространением персональных пользовательских аккаунтов, дающих гражданам новое внешнее расширение (в понимании М. Маклюэна) на цифровых платформах для участия в демократических практиках.

Ответной реакцией на цифровую аватаризацию стал процесс *интерфейсизации* — тенденции все большей регламентации и стандартизации действий индивидов со стороны цифровых корпораций и политических режимов. С точки зрения концепции аллократии, цифровые платформы — это социальные машины, разрабатываемые для добровольной коммуникации активных граждан снизу вверх, но в то же время сохраняющие стандартизирующий интерфейс, регулирующий взаимоотношения между властью и людьми в рамках жестких правил (примером такого регулирующего интерфейса является Википедия) и влияющий на их поведение совсем не нейтральным способом [Cristianini, Scantamburlo, 2019].

Цифровые платформы как социальные машины создают для активистов иллюзию свободы и возможности децентрализованной власти, на деле контролируя пользовательскую базу данных социальной группы. Гражданско-политический активизм не может игнорировать формат интерфейса цифровых платформ, где аллократия проявляется в настройке аффордансов — коммуникационных возможностей и ограничений (в виде параметров обратной связи, работы с архивом, заполнения окон на сайте и последующей навигации).

Но аффордансы как таковые во многом зависят от того, закрытым или открытым будет тип алгоритмов и их исходных кодов. Например, Facebook и другие популярные платформы подразумевают закрытый от граждан тип кодов и алгоритмов, нацеленных на извлечение данных (а следовательно, и прибыли) из дискуссий, стимулирующих трафик. Поэтому специалисты видят шанс для развития активизма в будущем в создании нового типа организационных сетей [Ловинк, 2019: 160—161, 276—277]. Пока же сетевые эффекты [Срничек, 2020: 43], используемые цифровыми корпорациями для извлечения прибыли, а также властями для анализа политического поведения, не предполагают в своей основе интерфейсов, способствующих цифровому самоопределению граждан.

Иными словами, мы считаем, что гражданско-политический активизм является в функциональном аспекте не самостоятельным, но производным от функционала и алгоритмических моделей цифровых платформ со всеми вытекающими из данного предположения следствиями.

В связи с этим возникает серьезный вопрос о возможности гражданских активистов полноценно осуществлять свою деятельность в цифровом пространстве, не будучи зависимыми от особенностей каждой конкретной цифровой платформы, которая используется для достижения поставленных целей. Особо актуализируют данную проблематику разработанные концепции капитализма платформ [Срничек, 2020] и капитализма слежения, в рамках которых акцентируется внимание на том, что гражданские и политические интересы пользователей платформ являются

не определяющими, а скорее наоборот — вторичными по отношению к ключевым целям, к которым относятся монетизация коммуникационных контактов граждан и возможность формирования их цифровых следов для последующего использования в политических проектах, никак не связанных с интересами гражданско-политических активистов.

Исходя из этого, мы считаем, что гражданско-политический активизм, базирующийся на использовании современной цифровой инфраструктуры, во многих случаях имеет существенные функциональные ограничения — несмотря на в целом оптимистичный настрой многих экспертов и ученых в отношении данного вопроса.

В то же время нельзя недооценивать как конструктивный, так и негативный потенциал непосредственно самого гражданско-политического активизма в цифровом пространстве. Если о конструктивном потенциале написано множество работ, то в отношении негативного потенциала существует значительно меньший объем научных публикаций — несмотря на то, что именно он формирует ключевые риски, угрозы и вызовы, связанные с цифровизацией гражданско-политического активизма.

Так, в первую очередь, следует обратить внимание на новое звучание применительно к теме этого исследования классической работы Г. Беккера «Аутсайдеры: Исследования по социологии девиантности» [Беккер, 2018], подробно раскрывающей вопросы стигматизации информационно активным меньшинством информационно пассивного большинства. В нашем представлении гражданско-политические активисты также являются информационно активным меньшинством (поскольку гражданско-политическая активность самым непосредственным образом связана с необходимостью обеспечения информационно-коммуникационной активности), обладающим высоким потенциалом стигматизации и наклеивания разнообразных (в зависимости от целей, интересов и идеологии конкретной группы или организации активистов) ярлыков аутсайдеров на представителей менее активного большинства. Данное обстоятельство является важным в плане изучения процессов современного общественного развития в цифровом пространстве. Как показывает анализ актуальной практики общественных коммуникаций в рамках глобальных цифровых платформ, именно сообщество гражданских активистов определяет мишени для атаки, руководствуясь собственными принципами и интересами, определяет смысловое наполнение беккеровских ярлыков, осуществляет первичный посев и распространение стигматизирующих кодов, закрепляя в сознании большинства негативные представления о тех или иных индивидах. Практика свидетельствует, что последствия подобной стигматизации вполне реальны и способны существенно влиять на реализацию такого сценария развития гражданско-политического активизма в сети, как формирование диктатуры активистов, способных определять параметры ценностно-смысловых пространств цифрового общества, задавать маркеры того, что является общественным благом, кто из политиков, общественных деятелей является «нерукопожатным» социальным аутсайдером.

Близко к данному вызову расположен и потенциал формирования повестки дня информационно активным меньшинством. Алгоритмы большинства цифровых

платформ позволяют формировать искаженные представления о реальности, отсекая, выражаясь словами Х. Арендт, массы от реального мира.

Важность события в пространстве социальных медиа определяется не его реальной значимостью, но при помощи специальных инструментов оценки и их числовых показателей — количества просмотров, лайков, ретвитов, комментариев. Как показывают результаты наших исследований, сообщения, имеющие минимальное число просмотров, лайков, ретвитов и комментариев, воспринимаются большинством онлайн-пользователей как несущественные, неважные, не требующие своего прочтения, ознакомления с ними [Володенков, Белоконев, Сулова, 2021].

В результате даже то, что именно считать важной проблемой или явлением, определяется не реальной значимостью события, а количественными показателями соответствующих маркеров. Очевидно, что в подобной ситуации структурирование повестки дня, управление ею могут быть эффективно осуществлены гражданско-политическими активистами в своих собственных интересах, в результате чего объективно менее значимые проблемы могут казаться важнее более значимых. Пользуясь терминологией Э. Лаклау [Laclau, 2005: 70—72], можно сказать, что цифровая тотальность одной группы возникает тогда, когда ее конкретное видение проблемы преподносится в виде общественного мнения (по сути, «пустого означающего»). Иными словами, за счет информационной активности и наличия устойчивой лояльной аудитории гражданско-политические активисты способны в собственных интересах влиять на структуру повестки дня, смещая представления своих аудиторий о действительности в необходимую сторону.

При этом события в формируемой повестке могут быть симулированными и даже симулякризисированными, что наглядно показал в известном эксперименте датский психолог А. Колдинг-Йоргенсон². В 2009 г. в Facebook был организован информационный вброс в специально созданной для этого группе, посвященной гражданскому протесту против сноса популярной достопримечательности — копенгагенского Фонтана Аистов. За 14 дней более 27 тысяч человек присоединились к протесту в качестве сторонников, несмотря на то что само событие было обычной выдумкой, не имеющей ничего общего с объективной действительностью. Однако для 27,5 тысяч человек данная выдумка оказалась реальностью, против которой необходимо было выступить и которую нужно было изменить.

Очевидно, что в условиях отсутствия прямого опыта участия в происходящих событиях (что особенно актуализировалось в период введения режимов самоизоляции и ограничительных противопандемийных мер) медиарепрезентации обретают статус реальных по своему восприятию, что становится основой для формирования необходимых моделей массового поведения уже в офлайн-пространстве. Данную позицию хорошо подтверждает известная теорема Томаса, согласно которой ситуации, определенные людьми как реальные, реальны по своим последствиям [Thomas, Thomas, 1928].

Более того, следует обратить внимание и на тот факт, что многие сообщества в социальных сетях, включая сообщества активистов, зачастую функционируют

² Colding-Jørgensen A. (2009) Stork Fountain Experiment #1: Why Facebook Groups Are Not Democratic Tools. URL: <http://web.archive.org/web/20161220005424/http://virkeligheden.dk/2009/stork-fountain-experiment-1-facebook-groups-are-not-democratic-tools/> (дата обращения: 07.07.2021).

преимущественно в формате информационных капсул, что лишь укрепляет уверенность участников в реальности происходящего. Информационное капсулирование онлайн-пользователей посредством их вовлечения в деятельность групп и сообществ гражданско-политических активистов может способствовать формированию необходимых общественно-политических убеждений и представлений, которые в дальнейшем становятся основой программирования ожидаемого поведения индивидов в реальности.

Интенсивное развитие технологий искусственного интеллекта и самообучаемых нейросетей, по нашему мнению, лишь усугубляет обозначенную проблему. Например, распространение технологии дипфейк (deepfake) и ее применение в информационно-коммуникационной работе гражданско-политических активистов способно повысить потенциал симуляции и симулякризации сконструированной повестки дня, еще в более значительной степени «оторвать» аудитории активистов от реальности. Среди целей использования дипфейков, помимо манипуляции повесткой, может быть формирование целого спектра цифровых псевдоактивистов, симуляции и симулякризации гражданско-политических сообществ активистов, от лица которых осуществляется «посев» и распространение «общественно значимой информации». Возможным и даже вероятным сценарием мы считаем активное применение структур псевдоактивистов при реализации проектов информационного геополитического противоборства, нацеленных на формирование массовых протестных настроений, решение конкретных личных задач³, а также достижение целей бенефициаров, стоящих за псевдоактивистами⁴.

Отдельно обратим внимание на то, что мы не вполне согласны с традиционными представлениями о слактивизме и кликтивизме, и по-иному понимаем роль и место данных феноменов в современном цифровом гражданско-политическом активизме. В научной среде кликтивизм стал анализироваться сравнительно недавно. Исследователь из Университета Канберры М. Халупка в своей работе ставит важный вопрос о легитимности кликтивизма в политическом активизме, предлагая рассматривать саму легитимность как более многогранный феномен [Halupka, 2018]. Отдельные авторы признают, что несмотря на то, что слактивизм часто используется как негативный термин, в описываемом им феномене все же есть политическое ядро, не исключающее участие граждан в массовых сетевых акциях, подписании цифровых петиций [Christensen, 2011]. При этом слактивизм и кликтивизм как отдельные термины четко не разделяются, так как во многом обозначают схожие явления и процессы.

Если слактивизм и кликтивизм сегодня принято считать проявлениями лени, пассивности граждан, не имеющими какого-либо существенного влияния на практическое решение конкретной проблемы, то со стороны заинтересованных активистов потенциал слактивизма и кликтивизма выглядит совершенно иначе — в подобном формате обеспечивается поддержка и распространение необходимых

³ В Белгородской области будут судить псевдоактивистов, которые якобы боролись с продажей алкоголя подросткам // FОНАР.tv. 2020. 21 ноября. URL: <https://fonar.tv/news/2020/11/21/v-belgorodskoy-oblasti-budut-sudit-psevdoktivistov-kotorye-yakoby-borolis-s-prodazhey-alkogolya-podrostkam> (дата обращения: 20.12.2021).

⁴ Деятельность псевдоактивистов — преграда к инвестированию в Украине // КиевВласть. 2021. 2 июля. URL: <https://kievvlad.com.ua/news/deyatelnost-psevdoktivistovpregrada-k-investirovaniyu-v-ukrainepravlyayushhij-partner-proekta-kviti-ukraini-pyshnij> (дата обращения: 20.12.2021).

информационных тем, осуществляется содействие структурированию повестки дня, повышение уровня доверия граждан к осуществляемой активистами деятельности за счет массовости цифровых сообществ. Данные эффекты уже стали изучаться в академической среде в рамках феномена *metavoicing*, характеризующегося тем, что лайки, ретвиты и другие цифровые реакции играют роль инструмента привлечения внимания достаточного количества людей (критической массы) к какому-либо событию или контенту [Majchrzak et al., 2013]. Несмотря на то, что те же платформы социальных сетей искажают подлинную активность алгоритмическим ранжированием, исследователи соглашаются с тем фактом, что больший объем комментариев, лайков, комментарийных реакций на материал пользователя делают его более видимым, популярным, авторитетным среди другого контента, а значит, более легитимным [Baum, 2013].

Более того, по нашему мнению, именно целевые аудитории слактивистов и кликтивистов являются перспективными для формирования массовых представлений об общественно-политических проблемах, так как в условиях потока недостоверной информации, «альтернативных фактов» [Фуллер, 2021: 102] и отсутствия привычки к глубокому изучению вопроса, пользователи оказываются наиболее уязвимы для манипуляции в рамках информационно-коммуникационного воздействия.

В результате мы получаем принципиальную модель работы цифровых структур гражданско-политического активизма:

- 1) инициирование («посев») необходимой информации активистами;
- 2) распространение и повышение уровня значимости (просмотры, лайки, ретвиты, комментарии (в чем для увеличения трафика заинтересованы владельцы цифровых платформ [Ловинк, 2019: 161—163]), привлечение внимания к конкретной теме пассивным большинством слактивистов и кликтивистов, формирование за их счет фоновых массовых представлений по общественно-политическим вопросам и проблемам;
- 3) расширение ядра сообщества активистов, вовлечение в результативную деятельность активных граждан (конверсия массовой аудитории этапа 2 в активную аудиторию этапа 3, в чьих данных также заинтересованы владельцы цифровых платформ [Срничек, 2020: 11]).

Как можно заметить, слактивисты и кликтивисты играют важную роль в рамках этапа 2, не столько содействуя решению той или иной проблемы, сколько обеспечивая массовую поддержку и успешность формирования активного ядра на этапе 3. Они помогают обрести владельцам цифровых платформ (частным, общественным организациям или политическим режимам) сетевую власть [Castells, 2011]. Ввиду этого нам представляется важным сформулировать проблему недооценки потенциала, роли и значения слактивистов и кликтивистов в системе гражданско-политического активизма. Неслучайно Дж. Кин пишет, что коммуникационное изобилие без создания полноценных демократических механизмов не может обеспечить качественных политических изменений, поэтому он возлагает особые надежды на мониторинговую демократию — критику и мониторинг гражданами действий властей [Кин, 2015: 122, 146]. Слактивисты и кликтивисты как раз и занимают эту мониторинговую нишу в настоящий момент, но не всегда включаются в активизм во имя демократических целей.

Наша модель соотносится с недавней адаптацией концепции политического участия Л. Милбрата под реалии современного кликтивизма. Согласно этой адаптации, на нижнем уровне (*digital spectator activities*) большую роль играет именно феномен массового кликтивизма и *metavoicing* с его лайками, переходящий на средний уровень (*digital transitional activities*) со сбором цифровых петиций, привлечением финансовых средств, политическим консьюмеризмом, а затем достигающий высшего уровня (*digital gladiatorial activities*) с наименьшим числом участников (от групп хакеров до партий) [George, Leidner, 2019]. То, что феномен кликтивизма нельзя недооценивать, наглядно демонстрирует исследование новозеландских ученых, которые на примере анализа сетевого движения «*Sleeping Giants*» в Twitter показали, что его политически активное ядро из «линчевателей» (7 активистов, создававших большое число сообщений на начальном этапе развития движения) и «усилителей» (тоже 7 активистов, ретвитающих материалы «линчевателей» на этапе «раскрутки» движения) поддерживалось именно менее активной, но более крупной толпой (*crowd worker*) объемом в 4042 пользователя [Li, Bernard, Luczak-Roesch, 2021].

Отдельного внимания заслуживает, на наш взгляд, проблема распространения новых идеологий и идеологических течений, основанных на развитии цифровых технологий. В первую очередь, речь идет о технологиях цифровой децентрализации и криптоанархизма [Farmer, 2003]. Если сторонники первой пытаются исключить из гражданских взаимодействий в ключевых сферах жизнедеятельности общества традиционные институты регулирования, надзора и контроля, то сторонники последней в целом исключают роль государственных институтов в процессах цифровой гражданской коммуникации. Сторонники криптоанархизма выступают за раскрепощение личности в цифровой среде, неприкосновенность частной жизни, допуск к свободной коммуникации [Chohan, 2017]. Независимо от того, о какой из указанных идеологических парадигм идет речь, встает вопрос о том, каким в содержательном и функциональном смыслах будет цифровой гражданско-политический активизм, базирующийся на отрицании и исключении государственных институтов из диалога с гражданами? Очевидным представляется тот факт, что традиционный активизм предусматривает диалог и взаимодействие с институтами власти.

В новых идеологических условиях меняются не только форматы, но и сама суть гражданско-политического активизма, который имеет шанс трансформироваться в принципиально новый формат гражданской деятельности, обладающий высоким конфликтным потенциалом по отношению к традиционным институтам власти. Отсутствие надзора, контроля и регулирования активистской деятельности способно привести к реализации сценария масштабного появления радикальных и экстремистских структур гражданско-политического активизма, что представляет прямую угрозу существующим политическим режимам [Бродовская, Никулин, Давыдова, 2021].

Исходя из данного обстоятельства, мы рассматриваем новые цифровые идеологии как конфликтогенный фактор влияния как на традиционные активистские структуры, так и на традиционные институты власти. Кроме того, говоря о цифровых инфраструктурах гражданско-политического активизма, мы вынуждены включать в рассмотрение не только технологические и ресурсные компоненты,

но и идеологическую компоненту, как неотъемлемую составляющую цифровой инфраструктуры, связанной с борьбой за сетевую власть [Castells, 2011].

Заключение

Представленное рассуждение показывает, что современная динамика развития цифровых инфраструктур позволяет выделить следующие компоненты, адаптированные под гражданско-политическую деятельность либо нацеленные на создание эффективной коммуникации между гражданами и властью в цифровом пространстве:

а) *цифровые платформы* различного функционала (civic technologies), осуществляющие мониторинг работы институтов власти, нацеленные на запросы в органы власти, созданные для связи и консультаций граждан со своими избранными представителями во власти (от сайтов TheyWorkForYou, WhatDoTheyKnow, vTaiwan, WriteToThem, Communecter, Demodyne до сообществ социальных сетей и т. п.);

б) поддерживающее эти цифровые платформы базовое или вспомогательное *программное обеспечение* (алгоритмы и открытые исходные коды, такие как Alaveteli, MapIt, Consul, программное обеспечение некоммерческой организации mySociety, открытые исходные коды для опросов проекта Polis, коммерческие проекты приложений для граждан от Snap Send Solve, и проприетарное программное обеспечение на основе закрытых исходных кодов), без которого невозможны практики цифрового гражданства (digital citizenship) — статичные (мониторинг власти, запросы, жалобы, петиции, обращения, участие в опросах) и динамичные (от активного обсуждения политических проблем, участия в механизмах разработки политических решений до формирования не нацеленных на диалог с представителями власти гражданских сетевых сообществ с преобладанием критического дискурса);

в) *владельцы* цифровых платформ — организации, спонсоры, компании, поддерживающие функционирование цифровой инфраструктуры и задающие условия для гражданско-политических практик активизма.

Практики гражданско-политического активизма были рассмотрены в статье через фактор политического интерфейса (аффордансы сайтов, платформ, приложений, а также возможности и пределы, заложенные в коммуникационных площадках). Для этого потребовалось рассмотреть как кейсы, так и современную научную литературу по практикам цифровых платформ. В первую очередь нас интересовали конкретные ограничители цифровых систем, затрудняющие активное вовлечение граждан в процессы обсуждения социальных проблем и принятия политических решений на разных уровнях.

По итогам проведенного исследования в качестве основных сценариев развития цифровых инфраструктур гражданско-политического активизма мы можем выделить следующие:

— **Эволюционный сценарий.** Развитие гражданско-политического активизма будет происходить теми же темпами, что и сейчас, чему станут способствовать: а) отсутствие краудфандинговых проектов, купирующих финансовые и политические риски владельцев цифровых платформ; б) медленное освоение гражданами основ культуры политического участия, навыков программирования. При этом

цифровые идеологии и практика открытых кодов будут появляться постепенно, адаптируясь под реалии социально-экономических тенденций.

— **Алармистский сценарий.** Активность цифровых корпораций, монополизация ими коммуникационных каналов перевесит активность гражданских некоммерческих и государственных проектов в строительстве цифровых платформ, недовольные активисты будут вынуждены искать альтернативы наподобие Darknet, создавая радикальные антигосударственные организации с цифровыми идеологиями, отвергающими основы существующего порядка; одни страны будут сотрудничать с цифровыми транснациональными гигантами, отказываясь от части своего суверенитета, другие попытаются создать свои относительно независимые интернет-сегменты. В результате прежние политические режимы будут вынуждены радикально измениться, встав на путь активного применения технологий цифрового контроля, которые будут опережать трансформацию политических институтов и гражданских практик, приводя к устранению традиционных демократических форм активизма.

— **Делиберативный сценарий.** Самоорганизация гражданских активистов приведет к распространению делиберативных практик в сетевых сообществах и на цифровых платформах. В рамках данных практик дискурсивная модель коммуникации сменится аргументативной моделью с элементами доказательной политики.

— **Алеаторный сценарий.** Трансформация гражданско-политических практик будет происходить одновременно с их адаптацией под технологические изменения, а принципы алеаторной демократии (жеребья, жюри) органично дополнят доминирующие, но теряющие доверие механизмы выборной демократии, сочетая практику открытых кодов с конфиденциальностью персональных данных граждан и снижая дисбаланс между интересами граждан и их групп.

Очевидно, что предложенные сценарии не исчерпывают возможный спектр векторов развития цифрового гражданско-политического активизма. Формирование той или иной сценарной траектории будет зависеть от множества факторов, комплексное влияние которых в конечном итоге определит форматы, а также содержательный и функциональный потенциал цифрового активизма.

Однако нам представляется, что большинство возможных сценариев развития, помимо конструктивного потенциала демократизации и повышения качества государственно-гражданского взаимодействия, несут в себе также и соответствующие риски, угрозы и вызовы, ключевые из которых мы и попытались рассмотреть в данной работе.

Проведенный анализ показывает, что гражданско-политический активизм по-прежнему является в функциональном аспекте не самостоятельным, но производным от функционала и алгоритмических моделей цифровых платформ, в результате чего потенциал проектов гражданско-политического активизма во многих случаях является ограниченным, несмотря на свою общественную значимость.

При этом ключевым фактором, определяющим ограничения цифрового гражданско-политического активизма в настоящее время, нам представляется фактор интерфейсизации — все большей регламентации и стандартизации действий индивидов со стороны цифровых корпораций и политических режимов. Цифровые платформы как социальные машины создают для активистов ощущение свободы

и возможности открытой децентрализованной власти, но при этом аффорданы в значительной степени зависят от программных алгоритмов каждой конкретной платформы. Такие алгоритмы, используемые цифровыми корпорациями для извлечения прибыли, а властями — для анализа и контроля политического поведения, не предполагают в своей основе интерфейсов, способствующих цифровому самоопределению граждан. В результате возникает серьезный вопрос о возможности гражданско-политических активистов полноценно осуществлять свою деятельность в цифровом пространстве в общественных интересах, которые являются, по нашему мнению, в большинстве случаев вторичными по отношению к ключевым целям корпораций и институтов власти.

Список литературы (References)

Байша О. Дискурсивный разлом социального поля: Уроки Евромайдана. М.: Изд. дом. ВШЭ, 2021.

Baisha O. (2021) *The Discursive Break of the Social Field: Lessons from the Euromaidan*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Беккер Г. Аутсайдеры: Исследования по социологии девиантности. М.: Элементарные формы, 2018.

Becker G. (2018) *The Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. Moscow: Elementary Forms. (In Russ.)

Бродовская Е. В., Никулин Е. Р., Давыдова М. А. Массовые политические протесты в Республике Беларусь летом-осенью 2020 года: причины возникновения, социальная база, цифровая инфраструктура // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 1. С. 23—35. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-1-23-35>.

Brodovskaya E. V., Nikulin E. R., Davydova M. A. (2021) Mass Political Protests in the Republic of Belarus in the Summer and Autumn of 2020: Causes, Social Base, Digital Infrastructure. *Journal of Political Research*. Vol. 5. No. 1. P. 23—35. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-1-23-35>. (In Russ.)

Володенков С. В., Белоконев С. Ю., Сулова А. А. Особенности структуры информационного потребления современной российской молодежи: на материалах исследования среди студентов-политологов Финансового университета // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 31—46. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-31-46>.

Volodenkov S. V., Belokonev S. Yu., Suslova A. A. (2021) Features of the Structure of Information Consumption of Modern Russian Youth: Based on Research Materials among Political Science Students of the Financial University. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. Vol. 23. No. 1. P. 31—46. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-31-46>. (In Russ.)

Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015.

Keane J. (2015) *Democracy and Media Decadence*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Коулман С. Может ли Интернет укрепить демократию? / пер. с англ. СПб.: Алетейя, 2018.

Coleman S. (2018) *Can the Internet Strengthen Democracy?* St. Petersburg: Aletheya. (In Russ.)

Ловинк Г. Критическая теория интернета. М.: Ad Marginem, Музей совр. иск. «Гараж», 2019.

Lovink G. (2019) *Critical Theory of the Internet*. Moscow: Ad Marginem, Museum of modern art «Garage». (In Russ.)

Мартьянов Д. С., Мартьянова Н. А. Управляемость виртуальных сообществ: сравнительный анализ политизированных групп Вконтакте // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 3. С. 79—93.

Martyanov D. S., Martyanova N. A. (2019) Manageability of Virtual Communities: A Comparative Analysis of Politicized Groups in Vkontakte. *Journal of Political Research*. Vol. 3. No. 3. P. 79—93. (In Russ.)

Нечаев В. Д., Белоконев С. Ю. Цифровая экономика и тенденции политического развития современных обществ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 112—133. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-6>.

Nechaev V. D., Belokonev S. Yu. (2020) Digital Economy and Trends in Political Development of Modern Societies. *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 13. No. 2. P. 112—133. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-6>.

Срничек Н. Капитализм платформ. 2-е изд. / пер. с англ. М. Добряковой. М.: Изд. дом. ВШЭ, 2020.

Srnichek N. (2020) *Platform Capitalism*. 2nd ed. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть. / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021.

Fuller S. (2021) *Post-Truth: Knowledge as a Power Struggle*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л. В. Воропай. М.: Праксис, 2010.

Habermas J. (2010) *Legitimitaetsprobleme im Spaetkapitalismus*. Moscow: Praxis. (In Russ.)

Aneesh A. (2006) *Virtual Migration: The Programming of Globalization*. Durham, NC; London, UK: Duke University Press.

Baym N. K. (2013) Data Not Seen: The Uses and Shortcomings of Social Media Metrics. *First Monday*. Vol. 18. No. 10. <https://doi.org/10.5210/fm.v18i10.4873>.

Beam M. A., Kosicki G. M. (2014) Personalized News Portals: Filtering Systems and Increased News Exposure. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. Vol. 91. No. 1. P. 59—77. <https://doi.org/10.1177/1077699013514411>.

- Beer D. (2017) The Social Power of Algorithms. *Information, Communication & Society*. Vol. 20. No. 1. P. 1—13. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1216147>.
- Brown C., Czerniewicz L. (2010) Debunking the 'Digital Native': Beyond Digital Apartheid, Towards Digital Democracy. *Journal of Computer Assisted Learning*. Vol. 26. No. 5. P. 357—369. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2729.2010.00369.x>.
- Castells M. (2011) A Network Theory of Power. *International Journal of Communication*. Vol. 5. P. 773—787.
- Chohan U. W. (2017) Cryptoanarchism and Cryptocurrencies. SSRN. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3079241>.
- Christensen H. S. (2011) Political Activities on the Internet: Slacktivism or Political Participation by Other Means? *First Monday*. Vol. 16. No. 2. <https://doi.org/10.5210/fm.v16i2.3336>.
- Cristianini N., Scantamburlo T. (2019) On Social Machines for Algorithmic Regulation. *AI & Society*. No. 3. P. 645—662. <https://doi.org/10.1007/s00146-019-00917-8>.
- Diamond L. (2019) The Road to Digital Unfreedom: The Threat of Postmodern Totalitarianism. *Journal of Democracy*. Vol. 30. No. 1. P. 20—24. <https://doi.org/10.1353/jod.2019.0001>.
- Farmer J. A. (2003) The Spector of Crypto-Anarchy: Regulating Anonymity-Protecting Peer-To-Peer Networks. *Fordham Law Review*. Vol. 72. No. 3. P. 725—784.
- Fernández-Prados J.S., Lozano-Díaz A., Ainz-Galende A. (2021) Measuring Digital Citizenship: A Comparative Analysis. *Informatics*. Vol. 8. No. 1. <https://doi.org/10.3390/informatics8010018>.
- George J. J., Leidner D. E. (2019) From Clicktivism to Hacktivism: Understanding Digital Activism. *Information and Organization*. Vol. 29. No. 3. Article 100249. <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>.
- Halupka M. (2018) The Legitimisation of Clicktivism. *Australian Journal of Political Science*. Vol. 53. No. 1. P. 130—141. <https://doi.org/10.1080/10361146.2017.1416586>.
- Hustad E., Olsen D. H. (2021) Creating a Sustainable Digital Infrastructure: The Role of Service-Oriented Architecture. *Procedia Computer Science*. Vol. 181. P. 597—604. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2021.01.210>.
- Kwet M. (2019) Digital Colonialism: US Empire and the New Imperialism in the Global South. *Race & Class*. Vol. 60. No. 4. P. 3—26. <https://doi.org/10.1177/0306396818823172>.
- Laclau E. (2005) *On Populist Reason*. New York, NY: Verso.
- Larkin B. (2013) The Politics and Poetics of Infrastructure. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 42. P. 327—343.

Li Y., Bernard J.-G., Luczak-Roesch M. (2021) Beyond Clicktivism: What Makes Digitally Native Activism Effective? An Exploration of the Sleeping Giants Movement. *Social Media + Society*. Vol. 7. No. 3. <https://doi.org/10.1177/20563051211035357>.

Majchrzak A., Faraj S., Kane G. C., Azad B. (2013) The Contradictory Influence of Social Media Affordances on Online Communal Knowledge Sharing. *Journal of Computer Mediated Communication*. Vol. 19. No. 1. P. 38—55. <https://doi.org/10.1111/jcc4.12030>.

McQuire S. (2021) Urban Digital Infrastructure, Smart Cityism, and Communication: Research Challenges for Urban E-Planning. *International Journal of E-Planning Research (IJEPR)*. Vol. 10. No. 3. P. 1—18. <http://doi.org/10.4018/IJEPR.20210701.0a1>.

Melki J., Mallat S. (2014) Digital Activism: Efficacies and Burdens of Social Media for Civic Activism. *Arab Media & Society*. No. 19. URL: <https://www.tasharuk.net/resources/files/1438761358MelkiMallatDigitalActivismFinal.pdf> (accessed: 07.07.2021).

Mergel I., Edelman N., Haug N. (2019) Defining Digital Transformation: Results from Expert Interviews. *Government Information Quarterly*. Vol. 36. No. 4. Article 101385. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.06.002>.

Mitu B., Vega D. O. C. (2014) Digital Activism: A Contemporary Overview. *Revista de Științe Politice. Revue des Sciences Politiques*. No. 44. P. 103—111.

Mossberger K., Tolbert C. J., Hamilton A. (2012) Broadband Adoption: Measuring Digital Citizenship: Mobile Access and Broadband. *International Journal of Communication*. Vol. 6. P. 2492—2528.

Ohler J. B. (2010) *Digital Community, Digital Citizen*. Thousand Oaks, CA: SAGE, Corwin Press.

Skaržauskienė A., Mačiulienė M. (2020) Mapping International Civic Technologies Platforms. *Informatics*. Vol. 7. No. 4. <https://doi.org/10.3390/informatics7040046>.

Sunstein C. R. (2001) *Echo chambers*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Thomas W. I., Thomas D. S. (1928) *The Child in America: Behavior Problems and Programs*. New York, NY: Knopf.

Unver H. (2017) Digital Challenges to Democracy: Politics of Automation, Attention, and Engagement. *Journal of International Affairs*. Vol. 71. No. 1. P. 127—146.

von Haldenwang Ch. (2016) *Measuring Legitimacy — New Trends, Old Shortcomings?* Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik.